

УДИВИ МЕНЯ. А ПОТОМ ПОГОВОРИМ О ДЕНЬГАХ

Татьяна ИВАНОВА.

Я, Геден Горский, припёрт к глухой кирпичной стене — беззащитен и смирен, с поднятыми вверх руками. Ни одного шанса сбежать. Мир рухнул, вокруг паника. Ты направила дуло генетического дешифратора прямо в мой лоб.

Дорогая, самое время обсудить наши отношения. Признаю: наш брак зашёл в тупик, и тому есть две причины — ты и я.

Я. Да, не мистер Вселенная, но до чего одарён! Меня ничто не интересовало, кроме фармакологии. С ужасным аттестатом я угодил в заштатный технологический колледж. С дипломом пищевого технолога я мог отправиться в цех, где штампуют соевую колбасу. Но мне хотелось чего-то большего. К тому же я встретил тебя.

Ты. Без малого мисс Вселенная, но слишком безынициативная, чтобы отправиться на кастинг. Никакого желания учиться, зато гора потребностей. Родители отказались их удовлетворять. Это сделал я. Вернее, не сделал, а только пообещал. Я наплёл, что в ближайший год стану знаменитым фармацевтом и заработаю для жены кучу денег. Всё, что произошло потом, было паниче-

ской попыткой выпутаться из неудобного положения. Так что в гибели нашего брака и мира в целом виноваты мы оба.

В ожидании, пока я стану богатым, ты согласилась год-другой авансировать меня регулярным сексом и горячими завтраками. Год-другой. Но не больше. Я прочитал приговор в безмятежности твоих глаз. Надо было что-то срочно предпринять. После компромисса со своими амбициями я устроился в контору по производству биологических добавок. Бизнес дышал на ладан. Я пропадал в лаборатории контроля качества их странных капсул и понимал, что так состояние не сколотить. Пришлось пробиться на приём к главе компании.

Это был тяжёлый пятидесятилетний крендель с потомственным цинизмом в глазах. Сергей Николаевич. Бодрой скороговоркой я изложил ему план спасения компании от краха. Я предложил разнообразить линейку продуктов новыми средствами, улучшающими настроение целевых потребителей вплоть до возникновения оптимистических галлюцинаций. В ответ Сергей Николаевич даже не вышел

из состояния конторского анабиоза. Он заявил, что всё это в их практике уже было. Продажи тогда зашкаливали, но в итоге дело едва не дошло до тюрьмы.

— Победить на рынке и спасти компанию может только продукт, который осуществит главную мечту потребителей, — лениво шевельнулся Сергей Николаевич. — Надо только понять, в чём эта мечта.

В запасе у меня был и такой продукт. К своим двадцати годам я успел нащупать тайную мечту большинства людей — стать другими. Людей, полностью довольных своим телом и способностями, — по пальцам пересчитать. Некоторые вообще, проклиная генетическую карму, ненавидят своё тело в целом. Фармакология и пластическая хирургия изрядно продвинулись, предлагая продукты для коррекции недостатков внешности. Но... эти продукты дешёвые, не обещают мгновенных и устойчивых результатов. А человек нетерпелив, не любит долгих трудов. Ему подавай всё и сейчас в одном флаконе. Я набрёл на формулу, которая совершит переворот в фармакологии. Препараты, разработанные на основе этой формулы, способны вызывать мгновенные изменения во внешности. Пока мне удалось получить таблетку для превращения всех желающих в блондинов. Со временем я рассчитывал сделать препараты, меняющие цвет глаз или форму ушей.

— Неплохо, неплохо, — задумался Сергей Николаевич. — Уговорил. Сколько у тебя таких таблеток?

У меня было только два грамма порошка в пробирке во внутреннем кармане пиджака. Босс разочарованно скривил губы.

— Точно действует через полчаса и навсегда?

— Теоретически, — осторожно сказала я. — Если выделить деньги на лабораторию, сотрудников, поднять зарплату... Нужны средства на предварительные исследования. Надо посмотреть, нет ли у препарата побочных эффектов.

— Чёртова куча денег, — приуныл босс.

— Стандартные инвестиции в разработку нового продукта, — уточнил я. — Неужели взятка за сертификат на непроверенный продукт обходится дешевле?

— Намного дешевле, — признался он. — У тебя один путь, сынок, — предъявить конкретный результат. Есть результат — будет разговор. Никто не станет платить за теорию. Договоримся так. Удиви меня. А потом поговорим о деньгах.

Я никогда не был героем, но обстоятельства не оставили выбора. Дома я достал пробирку, зажмурился и аккуратно высыпал в себя половину порошка. Через

полчаса из зеркала на меня смотрел платиновый блондин.

Сергей Николаевич сдал прядь моих волос на срочный анализ. Затем он перечитал заключение: «Предъявленный образец является натуральным, воздействию краски не подвергался никогда». Сергей Николаевич повеселел.

— Нужны деньги на предварительные тесты, — напомнил я.

— Все хотят денег, и никто не думает о максимизации прибыли компании. Какие ещё тесты? Результат у тебя на голове. Деньги есть только на пробную партию да на маркетинг. Договоримся так: выждем две недели, если не умрёшь, пускаем препарат в производство.

Через две недели я не умер. Сергей Николаевич сменил стиль общения со мной: из «сынка» повысился до «партнёра». Несколько дней никто не обращал на препарат внимания. Потом пошли пробные покупки. Через месяц мы порвали рынок. Сергей Николаевич выделил мне лабораторию с заданием «намутить ещё чего-нибудь».

Однажды в лаборатории я потерял сознание. Помощник оттащил меня на диван, убедился, что дышу, и отправился искать что-то покрепче воды. Вокруг моего пупка разрасталось тянущее ощущение. Словно на кожу плеснули клей, и он расплзается во все стороны, мгновенно засыхая на теле. Мой торс быстро покрывался розовой хитиновой коркой. Я постучал по образовавшемуся панцирю. Розовый фон был прошит красивым бежевым узором. Помощник вернулся с бутылкой дорогой водки, которую раздобыл у маркетологов. С тех пор как продажи рванули вверх, они постоянно что-то праздновали. После порции спиртного на меня снизошло озарение. Я отправился к боссу.

Без лишних слов я задрал рубашку.

— Зря мы отказались от предварительного тестирования. Есть осложнения, — пояснил я. — Скоро на нас начнут подавать в суд первые покупатели продукта. А ведь я разрабатываю препараты, корректирующие форму носа и длину ног.

— Продолжай разрабатывать, — ожил босс. — А с коростой можешь что-то сделать?

— Таблетка будет. Но как поступить с потребителями? Надо изъять препарат из аптек.

Сергей Николаевич впал в транс. Так в его голове обычно зрели коммерческие идеи.

— Партнёр! — воскликнул он. — Всё отлично! Побочные эффекты означают толь-

● ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

ко то, что мы держим публику на крючке. Когда все покроются коростой, к нам же и прибегут за лекарством. Заработаем! Важно к этому моменту получить противоядие. Пока надо придумать хорошую причину коросты. Завтра же запущу в таблоиды «пулю» о новой эпидемии, которая возникла, скажем... в Конго. Точно. Первыми за-

болели конголезские рыбаки... Не хватает названия... «Крабовый грипп» — отлично звучит для эпидемии! Первыми заболели крабы, от них заразились конголезские рыбаки — и понеслось...

— В Конго водятся крабы?

Босс смерил меня ироничным взглядом.

— Требую десять процентов с продаж, — твёрдо сказал я.

— Правила те же, — ласково напомнил босс. — Удиви меня. А потом поговорим о деньгах.

Таблетка сработала, панцирь обсыпался, но на душе скребли кошки. Все издания мира кричали о «крабовом гриппе». Чувствовалась рука Сергея Николаевича. Через месяц мы извели «крабовый грипп», но появилась другая напасть — «аризонская чесотка», из того же источника, что и прежняя эпидемия.

Моя фотография украсила обложку журнала «Форбс». Всемирный конгресс эпидемиологов выдал памятную медаль «За спасение человечества». Сергей Николаевич повадился называть меня братом и поднял мою долю до пятнадцати процентов с продаж. Эффект от приятных событий был смазан тем, что у меня выросла третья почка. Две недели с колбами, новый порошок — и почка рассосалась. Зато на пятках появилась шерсть. Пришлось повозиться. Я спал в носках, чтобы ты ничего не заметила, и с ужасом присматривался к организму. В те дни я был слишком сосредоточен на себе, чтобы заметить, как неуклонно меняется мир вокруг.

*

— Знаешь, кто такие натуралы и переделы? — спросил однажды Сергей Николаевич во время делового обеда. Мы пили дорогое красное вино и давились престижной олениной. Люди в ресторане выглядели странно. Почти в каждом была своя погрешность. У кого-то уши лежали на плечах. Побочный результат изменения формы носа. Упаковка наших таблеток — и пройдёт. Кто-то был лыс, как коленка. Если не природа наградила, скорее всего, мы имеем дело с результатом медикаментозной подтяжки ягодиц. Наша мазь — и за три дня пустыня покроеется ростками. А вот чешуя на запястьях выводится с трудом. Четыре месяца внутривенных инъекций. Чешуя — результат одновременного применения корректоров цвета глаз, размера груди и окружности бёдер. В медицине описана как главный симптом «амстердамской лихорадки».

— Натуралы и переделы? — рассеянно удивился я. Я как раз обдумывал, как избавиться от тика. Простенький побочный эффект, но до чего неприятный...

— Натуралы — общественное движение потребителей, которые ратуют за сохранение природного облика. Возникло стихийно, но быстро навербовало сторонников. Они инициировали парламентское расследование деятельности моей компании. Откопали профессора, который выдвинул версию о нашей связи с «крабовым гриппом» и «аризонской чесоткой».

Я пытался к нему подъехать, но старичок не продаётся.

— Этого следовало ожидать, — я меланхолично отправил в рот кусок оленины и непроизвольно подмигнул Сергею Николаевичу.

— К натуралам не подступиться. Моя цель — заболтать проблему. Я организовал партию переделов, принципиальных сторонников изменений своего внешнего вида. Нашлось два миллиона фанатов этой идеи, а за границей и того больше. Натуралы и переделы передрались не на шутку. Натуралы обозлились, и теперь грядут парламентские слушания. У меня идея. Пока не докопались, надо выпустить на рынок новый препарат — универсальный корректор внешности. Назовём его «Вечное движение». Он должен провоцировать непрерывные изменения в организме человека. Если все вокруг начнут хаотично изменяться, связь между приёмом наших препаратов и побочными эффектами, между нашей компанией и эпидемиями потеряется. Брат, сделаешь?

Я выронил вилку.

*

Ты лежала на диване и задумчиво играла в виртуальный сквош. Я решительно выключил компьютер.

— Собирайся. Мы срочно уезжаем. Навсегда. Нас не догонят.

Ты подняла на меня бесчувственные глаза.

— Я не замечала, когда на твоих пятках выросла шерсть. Я молча терпела, когда из твоего хребта полезли иголки. Я делала вид, что ничего не происходит, когда у тебя появились жабры. Но твой тик сводит меня с ума. Я с тобой никуда не поеду. Кстати, теперь у нас разные спальни. Я от тебя устала. Будь пупсиком — смешай мне молочный коктейль и отстань.

Я оценил ситуацию. Тебя не сдвинуть с дивана. Передо мной лежало самодовольное, совершенное животное. Ты получила совершенство в дар от природы без малейших жертв и потерь. Я на пупе вертелся, принял собственный яд, чтобы заслужить минуту твоего расположения. Ради чего? Теперь ещё и разные спальни. Это несправедливо. Ты обязана разделить с человечеством его страдания — особенно мои страдания. Я отправился на кухню, к моим верным колбам. Да, я действовал в состоянии аффекта. Поэтому на создание нового препарата ушло двадцать минут. Я отправил его в бокал с шейком.

Твои совершенные ноги стали короче на десять сантиметров. Два дня я ждал, когда ты это заметишь. На третий день ты решила погулять и стала натягивать джинсы. Четверть часа с недоумением рассматривала, как они собрались у

ступней гармошкой. Ни тени смятения. Ты просто купила новые джинсы. Через неделю их пришлось выкинуть, так как ноги вернулись в рамки исходных параметров. В тот момент я решил, что ошибся с дозировкой.

К разработке следующего средства я подошёл более серьёзно. За ночь ты прибавила килограммов пятнадцать, однако осталась равнодушна и к этой метаморфозе. Через два дня от лишних килограммов не осталось и следа. Я точно знал, что ты не принимала таблеток, не голодала, не истязала себя упражнениями. Мистика. Я решил поступить радикально. Подмешанный в колу порошок вызвал рост синих грибов в твоём декольте. Ты потрогала их пальчиком и философски вздохнула. Грибы завяли и отвалились к концу дня. Я взял тайм-аут, чтобы склепать «Вечное движение» для босса.

— Какие побочные эффекты? — деловито спросил Сергей Николаевич, получив препарат.

— Понятия не имею, — равнодушно ответил я. — Вам не кажется, что для людей, принимающих наши средства, побочные эффекты — не самое главное?

На сей раз побочные эффекты удивили даже меня. Трансформации внешности происходили спонтанно. Они могли застать человека где угодно. Обычно трансформации сопровождалась выбросом воздушной пены приятного зелёного оттенка без запаха. Пена с трудом отмывалась с тротуаров, стен, предметов и кожи окружающих людей. Я думал, нас живьём съедят, но многие потребители нашли такой побочный эффект весёлым. Начало очередной трансформации человек определял по бодрящему покалыванию в носу. Некоторые начинали чихать. Так окружающие узнавали, что пора спасаться бегством. Нам казалось, общество быстро прировнилось к этому продукту.

Мы поспешили с выводами. Вскоре в нашем офисе появились люди в штатском. Делегацию возглавлял высокий полковник лет сорока по фамилии Зверев. Он предъявил нам столь серьёзные документы, что даже сейчас страшно об этом упоминать.

— Из-за ваших таблеток совершенно невозможно заботиться о национальной безопасности — ловить преступников, шпионов, экстремистов, — заявил полковник с предубеждением. — Если вы не изобретёте новый способ идентификации людей...

— Понял, понял... Горский, изобретения — это по вашей части, — грамотно перевёл стрелки Сергей Николаевич. Теперь полковник Зверев устремил суровый взгляд на меня.

— Сроки поджимают, — намекнул он.

✱

Так я принял участие в разработке генетического дешифратора. Я придумал способ, позволяющий в изменённом организме вычислять исходный генетический след. Получилось громоздкое устройство, по виду напоминающее оружие для игры в пейнтбол. Не слишком удобно, зато позволяло определять злоумышленника в полевых условиях. Всё бы ничего, но при включении дешифратора жертва начинала испытывать адские физические муки. Теоретически в процессе идентификации некоторые могли погибнуть.

— По ходу доработаем, — махнул рукой полковник Зверев, и нас временно оставили в покое.

Мне удалось стянуть один из первых генетических дешифраторов. Он украсил стену нашей гостиной.

В те дни, когда я искал рецепт для перекрашивания твоей кожи в какой-нибудь смешной цвет, во внешнем мире развивались катастрофические события. У ворот компании образовались круглосуточные пикеты. «Преступных фармакологов — к ответу!» — кричали натуралы. «Свободу быть такими, какими мы можем стать!» — туманно отвечали передёлы. Хакеры-натуралы регулярно атаковали наши порталы продаж. Хакеры-передёлы изобрели вирус, превращающий любой сайт в наш рекламный баннер. Натуралы подожгли наш склад готовой продукции. Передёлы вычислили зачинщиков и насильно накормили их универсальным корректором. Вышел большой скандал. Подлинная война началась, когда мы выбросили на рынок изысканную модификацию «Вечного движения» — корректор, позволяющий по усмотрению менять пол. К слову — я был против. Нельзя покушаться на святое.

✱

Я понял, что конец неминуем и близок, когда поступили первые сведения о людях из числа фанатов наших таблеток, которые после длительного приёма корректоров приобрели способность хаотично и непредсказуемо меняться уже без подпитки «Вечным движением». В организме миллионов потребителей произошёл перелом. Они сами не знали, какими и когда станут, и, кстати, более не были способны к зачатию и рождению детей. Упс!

Грянули парламентские слушания.

— Я намерен доказать, что в лице этих, с позволения сказать, фармакологов мы имеем дело с заговором против человечества! — орал тот самый профессор.

Со своего места Сергей Николаевич сдавленно улыбался президиуму. За его спиной шуршали файлами именитые экс-

перты и адвокаты нашей компании, которые больше ни в чём не были уверены.

— Если нет постоянного лица — значит, нет ответственности? Значит, всё можно? — с ноткой достоевщины вопрошал профессор.

Злобный старичок был прав. Преступность увеличилась в разы, участились случаи стихийного мародёрства. Полиция бегала по городам с недоработанными дешифраторами наперевес и силилась понять, где кто. Рухнули все системы идентификации и контроля. В ходе парламентских слушаний в прямом эфире прозвучало предложение собрать всех переделов и переселить в специальные места компактного проживания. Это известие взорвало улицы. Повсюду вспыхивали стихийные побоища между переделами и натуралами.

На своём джипе я пробирался по напряжённым улицам к офису компании. Вчера я арендовал частный самолёт. Хотел обмануть тебя предложением полетать над ночным городом, а на самом деле уже нарисовал в своём воображении маршрут, который унесёт нас к далёким островам. Я только хотел напоследок почистить компьютеры в кабинете да слить в канализацию некоторые секретные реактивы из лаборатории.

Около офиса компании было непривычно тихо и безлюдно. По заляпанной зелёными пятнами автостоянке ветер гонял рваный пластиковый пакет. Я остановил машину, чтобы осмотреться. В этот момент в небесах оглушительно застрекотало, на площадку перед входом в здание опустился вертолёт. Из здания под руки вывели бледного Сергея Николаевича. Несколько господ в штатском направились, ускоряя шаг, в мою сторону.

Шальное решение — не всегда верное. Я нащупал в кармане ёмкость с образцом новейшей модификации «Вечного движения» и, плохо соображая, что творю, высыпал в себя половину пробирки. Это очень много. Трансформация началась мгновенно.

Я выскочил из машины, обдал господ в штатском липким зелёным облаком и бросился наутёк на всех семи конечностях.

Дорогая, ты лежала на диване. Помнишь? Жевала пончики, листала какой-то каталог.

— Доигрался? — ты подняла на меня беспощадные глаза. — К тебе пришла.

Из всех дверей полезли люди в камуфляже с генетическими дешифраторами в руках.

— Горский? — сухо обратился ко мне полковник Зверев. — Не делайте вид, что вы не Горский и зашли сюда случайно. Либо сами признаётесь, либо мы включаем дешифратор.

— У вас даже подходящих наручников для меня нет, — мстительно ответил я.

✱

Вертолёт унёс нас за город. Мы приземлились на аккуратной лужайке перед высоким безликим, как казарма, особняком. Люди в штатском молча подняли меня на последний этаж и провели в роскошно обставленный кабинет. За палисандровым столом сидел мохнатый белый кокон с удивительно знакомыми глазами.

— Убил бы тебя, — мрачно сообщил кокон.

— Вы кто?

— Табличку на двери кабинета прочитал? — кокон недовольно зашевелился. — Не узнаёшь? Я проглотил твой дурацкий препарат.

— Зачем вы это сделали, господин президент? — грустно спросил я. — Вы были так прекрасны душой и телом. Мы равнялись на вас. Я ещё могу понять, когда мои таблетки глотают другие... Но чего не хватало вам?

— Придержи язык, умник. Дело обстоит так. Через неделю мне надо ехать на саммит. Показать на саммите в таком виде я не могу. Здесь под землёй оборудована лаборатория. Будешь там сидеть, пока не приведёшь меня в нормальный вид. Тебя будут хорошо охранять.

Я догадался, что проведу под землёй всю оставшуюся жизнь, а надёжная охрана станет единственным утешением. У меня зачесалось в носу. Я от души чихнул.

— Поберегись! — крикнул полковник Зверев и отважно закрыл собой хозяина кабинета.

Люди в штатском отпрянули от облака зелёной пены. Я использовал шанс на спасение — выбил окно и вылетел вон. В результате очередной трансформации у меня выросли крылья, достаточные, чтобы, как белка-летяга, перепрыгивать с крыши на крышу. У границы города вертолёт, отправленные в погоню, окончательно меня потеряли. С высоты птичьего полёта я мог видеть мятежный город, весь в огнях локальных сражений между натуралами и переделами. Трансформация оказалась краткой. Крылья отсохли ровно в тот момент, когда я, пробив оконное стекло, ввалился в нашу гостиную.

Ты лежала на диване. Качая тапочку на большом пальце ступни, мыслями — далеко, ты машинально поинтересовалась:

— Уже вернулся?

— На аэродроме нас ждёт самолёт. Оставаться в городе слишком опасно — там бунт и поножовщина. За мной гонятся вертушки. Не надо собираться. Можешь идти в халатике и тапочках. Просто встань с дивана.

— Гедеон, в последнее время я перестала тебя узнавать, — ты сладко потянулась.

— Понимаю.

⇒

— Мы отделились...

— Есть момент.

— ...стали совершенно чужими. Пора пожить отдельно. Я буду жить здесь, а ты... ты ещё где-нибудь.

— Я утратил способность и время спорить с тобой.

— Дорогая, не хочешь выпить твой любимый клубничный коктейль? Успокоишься, всё обдумаешь.

Я достал из кармана пузырёк с остатками порошка. На последнем глотке коктейля ты удивлённо поморщилась.

— Какой странный вкус!

— Наконец заметила, — не выдержал я.

Из-за огромной дозы трансформация не заставила себя ждать. Твои веки вывернулись на девяносто градусов, губы повисли алыми пузырями, а на затылке вырос третий глаз-перископ на ножке. Перископ тут же беспокойно завертелся.

— Что ты мне подсыпал?!

— Мы выпили один яд на двоих — дел-то. Зато справедливо, — мне не следовало вести себя так вызывающе.

— Синие грибы в декольте — тоже ты?

— Моя работа, — это была гордость творца.

— Ты травил меня всё это время!

Ты сорвала со стены генетический дешифратор — и мы побежали. Вернее, побегал я, а ты, стеноя и размахивая пушкой, бросилась за мной.

*

Дорогая, это кризис отношений. Преодолеть кризис могут только те супруги, которые действуют сообща. Те два часа, которые мы бегали по городу, я много думал. Я увидел возможность спасти наш

брак и мир в целом. Твоя способность противостоять моим препаратам, уничтожать побочные эффекты — нечто уникальное. В твоём организме содержится какой-то элемент, который отражает любые попытки изменить тебя. Ты — особенная. Спасение человечества — в тебе. Нам следует срочно изучить этот феномен. Я абсолютно уверен, что через некоторое время твой организм переработает корректор, и все изменения исчезнут. Вот, твои губы уже стали прежними. Я обязан разгадать эту тайну.

Что ты говоришь? Надо просто любить себя? Такими, какими мы родились? Это какой-то антикварный романтизм, дорогая. Хорошо, пусть так. Но всякая любовь (любовь к себе — не исключение) — только химия. Я извлеку эту химию из твоего организма и создам вакцину для себя и всего человечества. После этого человечество просто обязано дать мне Нобелевскую премию и оставить в покое. Вдвоём, прихватив диван, мы уедем на райские острова, где будем жить в любви и согласии до конца дней своих такими, какими создал нас Господь.

...Сейчас подумал. С учётом твоих при-вычек... Вдруг у этой вакцины также будут побочные эффекты? Например, спасённое человечество полюбит себя, залажет на диваны и больше никогда не встанет, чтобы палец о палец ударить даже для собствен-ного прокорма?

Боюсь, и в этот раз у меня не будет времени для предварительного тестирования продукта.

Рисунки Султана Галимзянова.